
СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

НЕИЗВЕСТНОЕ ВОССТАНИЕ: АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ РАБОЧИХ КАСЛИНСКОГО ЗАВОДА В ИЮНЕ 1918 Г.*

М.И. Вебер

Сектор отечественной и социокультурной истории
Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Розы Люксембург, 56, Екатеринбург, Россия, 620026

Статья посвящена антибольшевистским восстаниям уральских рабочих в июне 1918 г. На основе архивных материалов, газет и мемуаров автор реконструирует события Каслинского восстания.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Урал, восстание, повстанчество, Чехословацкий корпус.

Революция 1917 г. в России привела к радикальному слому традиционных норм поведения. Фактически человек того времени разом утратил смыслообразующие константы своего социального бытия, был дезориентирован и подавлен. Адаптация к новой социальной реальности как отдельных индивидуумов, так и их групп происходила крайне тяжело.

В условиях крушения привычной системы ценностей происходил распад социума, его «атомизация», когда в своем поведении члены социума все больше руководствовались инстинктами. В тех случаях, когда инстинктивные действия значительной части социума – неважно, локального или более крупного – совпадали, возникал эффект резонанса и происходил стихийный выплеск социальной энергии, что на практике, в суровых реалиях разгоравшейся на обломках бывшей империи Гражданской войны, означало массовые беспорядки, мятежи и бунты.

* Статья подготовлена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры для инновационной России», госконтракт № 14.740.11.0209 по теме «Человек в условиях социально-культурных трансформаций российского общества в XVII–XX вв.».

Важную роль факторы психологического характера (инстинкты, массовые страхи и фобии) сыграли в произошедшем в 1918 г. конфликте уральских рабочих и большевистской власти.

Пролетариат традиционно позиционировался в качестве основной социальной опоры большевиков в Гражданской войне, поэтому не удивительно, что вооруженные восстания уральских рабочих против большевистской власти слабо отражены в советской историографии (1). Крах коммунистического режима в России привел к отмене многочисленных идеологических запретов и табу и открытию ранее засекреченных архивных фондов для профессиональных историков, что, в свою очередь, положительно отразилось на изучении различных аспектов Гражданской войны, в том числе и на изучении истории антибольшевистского рабочего протеста.

В частности, серьезные подвижки произошли в изучении антибольшевистских восстаний в таком важном регионе, как Средний Урал.

Однако большинство опубликованных работ оказались сфокусированы на истории самого громкого восстания местных рабочих – Невьянского (2). Другие, менее значительные по масштабам восстания рабочих Среднего Урала, происходившие в это же время, оказались заслонены в глазах исследователей Невьянским восстанием. Данная статья призвана ликвидировать эту несправедливость и проследить на основе разнообразных исторических источников, как складывались в 1918 г. взаимоотношения большевистской власти и рабочих Каслинского завода, закончившиеся в итоге крупным восстанием.

Что представлял собой Каслинский завод? По данным земской статистики, в 1908 г. в поселке Каслинского завода проживало 14 723 жителя (3). Вне всякого сомнения, к 1918 г. эта цифра только увеличилась – таким образом, Каслинский завод был больше многих уездных городов того времени. В заводском поселке было 4 каменных церкви, 5 церковно-приходских и 2 земские школы, библиотека и земская больница (4).

Стержнем поселка был Каслинский чугуноплавильный, чугунолитейный и железоделательный завод, известный прежде всего своими художественными изделиями из чугуна – знаменитым каслинским литьем.

Завод входил в состав Кыштымского горного округа и находился на полпути между Екатеринбургом и Челябинском.

Весьма живописное описание Каслинского завода оставил в своих путевых записках известный уральский писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк, посетивший завод в конце XIX в.: «особенно хорош вид на оз. Бол. Касли, на Вишневые горы и на далекую панораму Каслинского завода от оз. Кисегача. Это настоящая уральская Швейцария, и можно только удивляться, как на сравнительно небольшом пространстве собрана такая масса всяческой благодати... К самому заводу дорога идет верст 10 все время по берегу озера. Красиво белеют заводские церкви, пестреют разные постройки, и этот вид не теряет вблизи, как иногда случается с красивыми ландшафтами. Скоро наш экипаж катился по широкой каслинской улице, мимо таких хороших и

так плотно поставленных домиков, – мне еще не случалось видеть такого наружного довольства, потому что [даже] в самых богатых местах оно сосредотачивается только около рынка и церквей...

Крепко живут в Каслях, и самые простые избы выглядят так зажиточно. Я просто любовался постройками: какой толстый лес на домах, и как пригнано дерево к дереву, и как все поставлено по-настоящему, по-хозяйственному, «от желань[я] сердца. Это уж не городом пахнет, где городят дома чуть не из щеп и всякой другой дряни. Особенно приятно было видеть дома средней руки, и таких попадало много с крашеными окнами, с железными крышами, с крепкими воротами и всякими хозяйственными пристройками, как этому и быть следует у порядочного хозяина. На Руси обыкновенно встречается так: стоит несколько раскрашенных кулацких хоромин, а кругом жмутся лачуги и гнилушки, недостает именно этого среднего достатка, который Каслям придает такой сытый и крепкий вид. Правда, ближе к центру, т.е. к господскому дому и знаменитой каслинской фабрике, начали попадаться уже совсем городские дома: каменные, двухэтажные, с ярко-зелеными крышами и бесчисленными окнами, но тут не было резкого перехода от нищеты и голи к вопиющему богатству» (5).

Думается, что писатель Мамин-Сибиряк очень верно подметил особенности жизни и быта каслинцев. Уральский рабочий не был классическим пролетарием – его быт, менталитет, социальные привычки и связи существенно отличались от того, что было нормой для рабочих Центральной России. Во-первых, уральцы жили заметно зажиточней и обладали психологией собственников, во-вторых – они нераздельно связывали свою жизнь и судьбу с одним конкретным заводом. Семьи потомственных рабочих словно бы врастали корнями в свой завод, который становился центром их мироздания. Остановка завода означала для них крушение всего и была их самым глубоким страхом.

Октябрьский переворот 1917 г. ознаменовал новую веху в углублении общероссийского социального, экономического и политического кризиса.

На Урале и до переворота в столице большевики имели сильное влияние во многих городах и заводских поселках, а местами даже доминировали – но вплоть до осени 1917 г. находились в диалоге с другими партиями и общественными группами.

После октябрьского переворота большевики в союзе с левыми эсерами взяли курс на открытый разрыв с другими, в первую очередь левыми, партиями, на существенное ограничение полученных в ходе февральской революции прав и свобод, на свертывание земских учреждений и прочих проверенных временем институтов и на форсированное проведение в жизнь своей радикальной экономической и социальной программы. Сплошь и рядом при захвате власти и реализации своей программы большевики опирались не на силу убеждения, а на силу штыка – военизированные формирования своих сторонников, получившие название Красная гвардия.

Не удивительно поэтому, что политическая борьба большевиков с другими партиями и общественными объединениями в поселке Каслинского чугунолитейного завода зимой 1918 г. приняла характер открытого столкновения.

Так, в письме в ЦК РКП(б), отправленным партийной организацией Кыштымского завода 22 января 1918 г., отмечается, что местная Красная гвардия «пока немногочисленна, но действует неусыпно. Несколько дней назад словила привозимое из Златоуста оружие в виде турецких ятаганов и кинжалов, предназначенное, как выяснилось, для вооружения белой гвардии в соседнем, Каслинском заводе; в связи с этим там были произведены обыски и на этой почве возникло погромно-контрреволюционное движение, для чего пришлось послать туда нашу гвардию. Движение в настоящее время ликвидировано, жертв не было; во главе стояли члены Каслинского крестьянского союза, несколько человек арестовано. Отобранное гвардией оружие работы 17-го и часть даже 18-го года с надписью на клинках “равенство, братство, свобода”. Ведется следствие» (6).

Попытка политических противников большевиков создать вооруженный отряд провалилась, и они были вынуждены затаиться или уехать из заводского поселка.

Интеллигенция Каслей, как и большинства других населенных пунктов России, устроила захватившим власть большевикам бойкот. В частности, местное отделение Уральского педагогического союза, объединяющее всех каслинских учителей, отказалось от сотрудничества с большевистским совдепом, который настаивал на введении в школах партийного обучения (7).

В феврале 1918 г. Исполком Каслинского совдепа объявил завод на военном положении и запретил все митинги и собрания без его ведома. Однако каслинские учителя продолжали устраивать свои собрания. В ответ большевики арестовали на 1 мес. с заменой заключения штрафом в 300 руб. председательницу отделения Т.П. Хорошенину (8).

Известие об аресте Хорошениной вызвало взрыв возмущения в учительской среде: каслинские учителя написали воззвание с призывом к свержению большевистского совдепа и заставили своих учеников расклеить его в заводском поселке (9). После этого последовали аресты других лидеров объединения учителей Каслей. В конечном счете каслинские учителя были вынуждены пойти на мировую с местным совдепом, но, безусловно, затаили зло на большевиков.

Таким образом, острый конфликт каслинских большевиков со своими политическими оппонентами и местной интеллигенцией, возникший уже в январе–феврале 1918 г., закончился победой большевиков. На этом этапе большая часть населения заводского поселка, озабоченная проблемами повседневного выживания, осталась в стороне от конфликта. Но, как показали дальнейшие события, эта победа большевиков оказалась пирровой.

Захватив власть, большевики в глазах уральских рабочих, традиционно настроенных патерналистски, взяли на себя единоличную ответственность

за обеспечение населения поселков продовольствием и работой. Однако хозяйственная политика большевиков только способствовала надвигавшемуся коллапсу: заводская интеллигенция – инженеры и техники – увольнялась или выдавливалась с заводов большевистскими деловыми советами и фабзавкоммами, трудовая дисциплина и производительность труда падали, многие заводы вынужденно закрывались, заводским поселкам грозил голод. Неуклюжая попытка «красногвардейской атаки на капитал» привела к коллапсу банковской системы и к серьезным проблемам с финансированием уральских горных округов. Борьба со свободной торговлей только усугубила дефицит продуктов на рынке.

На этом фоне партия большевиков начала стремительно терять своих сторонников в уральских заводских поселках: весной 1918 г. произошел массовый отток рабочих из партии. Например, в апреле 1918 г. в большевистской партийной организации Ижевского завода было 1700 членов, а к концу мая осталось всего 400 (10). Похожие процессы имели место и во многих других заводских поселках (11).

Безусловно, далеко не все рабочие выходили из партии большевиков по идейным соображениям: собрать нехитрые пожитки и, вспомнив свое крестьянское прошлое, бежать от надвигающегося голода из заводских поселков в деревню – такую стратегию индивидуального выживания избрала для себя значительная часть рабочих уральских заводов, главным образом пришлых.

В то же время ядро уральского рабочего класса – потомственные рабочие, неразрывно связанные домами и земельными участками, менталитетом и всем образом жизни с родными заводами, выбрать для себя такой путь адаптации к стремительно меняющейся в худшую сторону социальной среде не могли. Сменить место жительства они не хотели, поэтому они попытались сменить власть в заводских поселках.

Возможно, трагичных последствий в виде мятежей и бунтов удалось бы избежать, будь выстраиваемая большевиками новая социальная система более гибкой: утрата доверия населения сопровождалась бы перевыборами совдепов и постепенным переходом власти к другим левым партиям. Однако большевики и левые эсеры взяли открытый курс на диктатуру, стремясь удержаться у власти любой ценой.

Надо отметить, что система советов депутатов с ее классовым делением сама по себе была недемократична и объективно способствовала расколу локального социума. В передовице газеты «Уральский рабочий» 21 июня 1918 г. товарищ председателя Уральского облсовдепа Г.И.Сафаров прямо писал о недопустимости контроля над советами депутатов со стороны общих собраний граждан, подчеркивая, что «право участия в контроле над деятельностью Советов должно принадлежать в городах и заводских поселках только рабочим, в деревнях – только крестьянам-беднякам. Не на общих собраниях граждан, а на собраниях рабочих должны отчитываться советские деятели» (12).

Характерно, что на попытки каслинских эсеров добиться смены власти в Каслинском заводе демократическими методами, путем агитации за переизбрание местного совдепа, местные большевики ответили репрессиями. В екатеринбургской газете «Уральский рабочий» в номере от 14 мая 1918 г. отмечалось, что в Каслинском заводе «ведется беспощадная борьба с контрреволюционерами и приспешниками буржуазии. Председатель и товарищ председателя местной группы с-р правых (оба члены Совета) высланы в 24 ч из Каслинского завода. Человек 5 отосланы в шахты. Работает Революционный Трибунал» (13).

Жестко пресекая мирные акции, сажая под арест своих политических оппонентов, большевики тем самым выталкивали своих противников на путь организации заговоров и подготовки вооруженных восстаний. Скальпелем, вскрывшим гнойники социального недовольства на уральских заводах, стало восстание Чехословацкого корпуса, произошедшее в конце мая 1918 г.

После начала мятежа Чехословацкого корпуса власть в Каслях перешла к чрезвычайному органу с диктаторскими полномочиями – ревкому, который возглавил большевик каслинского разлива Тарасов.

Действия каслинского ревкома только подлили масла в огонь разгорающегося социального конфликта.

Как вспоминал об этих событиях позже сам Тарасов, «для изыскания материальных средств Ревком наложил контрибуцию на местную буржуазию. Население Каслей, состоявшее, в большинстве случаев, из мелких и крупных собственников, вообще враждебно настроенных по отношению к Советской власти, всячески противодействовало всякой организационной работе. Особенно же озлобилось кулачье после того, как Ревком наложил на них контрибуцию и за невыплату арестовал некоторых толстосумов» (14). О характере Тарасова лучше всего говорит тот факт, что за неуплату контрибуции он арестовал собственного деда, не пожелавшего «платить “сукину сыну” 15 000 руб.» (15). Настоящая вакханалия всевозможных поборов и контрибуций со стороны всевозможных комиссаров напрочь разорила мелких и средних предпринимателей, а вместе с тем на корню погубила отлаженный аппарат снабжения заводских поселков продуктами питания и потребительскими товарами.

Окончательно же рассорила большевиков с населением Каслей мобилизация, объявленная в связи с выступлением Чехословацкого корпуса.

Первоначально большевики планировали подавить мятеж чехословаков силами добровольческих красногвардейских отрядов. В одном из архивов сохранились воспоминания С.К. Полякова, занимавшего весной 1918 г. в Каслях пост комиссара земледелия и выступившего главным организатором на заводе красногвардейского отряда (16). Поляков отмечает, что в отряд записалось всего 30 чел. Это совсем немного, учитывая, что на заводе работало порядка 2000 рабочих (17), и, на мой взгляд, свидетельствует о слабости социальной базы большевиков в указанный период.

Цифры, приведенные Поляковым, подтверждаются другими источниками. Так, в газете «Уральский рабочий» за 13 июня 1918 г. отмечается, что «Каслинский завод с 23-тысячным населением дал 29 чел., из которых половина партийных рабочих, а другая половина гарнизонные солдаты» (18).

Естественно, что 29 добровольцев было ничтожно мало, поэтому встал вопрос о проведении в Каслинском заводе принудительной мобилизации. Однако население поселка отнеслось к мобилизации крайне отрицательно: кровопролитная Первая мировая война породила новую массовую фобию – страх войны, поэтому воззвание совдепа к жителям Каслей и другая агитация пропали втуне. Корреспондент «Уральского рабочего» с горечью констатировал, что на все призывы с указанием на угрозу чехословаков каслинцы отвечали – «это пришли не нас бить, а большевиков» (19). Очевидно, что каслинские рабочие и обыватели абсолютно не идентифицировали себя и свои интересы с интересами большевистской власти и вовсе не горели желанием пасть за нее смертью храбрых на полях разгорающейся Гражданской войны.

На общем собрании граждан заводского поселка, где решался вопрос о проведении принудительной мобилизации, наметилась патовая ситуация: фронтовики (т.е. ветераны Первой мировой) проголосовали за то, чтобы были мобилизованы ранее не служившие молодые военнообязанные, а молодежь в ответ заявила – «ведь теперь свобода, никто не имеет права нас теснить» (20).

После долгих споров председатель исполкома Каслинского совдепа Ретнев принял волевое решение о принудительной мобилизации молодых военнообязанных – несомненно, что именно оно послужило спусковым крючком последовавшего мятежа. Уже во время общего собрания молодые люди, подлежавшие призыву, осознав общность своих интересов, сгруппировались и начали сорганизовываться. Решение о принудительной мобилизации воспринималось ими как несправедливое, заставило почувствовать себя обиженными и оскорбленными – словом, создало психологический и эмоциональный фон, который подтолкнул их к решительным действиям.

Как справедливо заметил В.П. Булдаков, «массы относительно редко бунтуют (в России это особенно заметно) в связи с постепенным ухудшением материального положения: они реагируют на тяготы жизни либо в связи с неприглядными шагами властей, либо в связи с резким падением своего уровня потребления на фоне якобы “зажравшихся” слоев населения» (21). Попытка большевиков погнать каслинскую молодежь на бессмысленную в ее глазах войну стала именно тем «неприглядным шагом», который население власти не простило.

На собрании граждан Каслинского завода большевистским агитаторам кричали из толпы: «они нас обманывают, за что и получают 400 руб. в месяц» (22). В заводском поселке назревал бунт.

После того как добровольческий красногвардейский отряд ушел на фронт, большевистская власть в Каслях была свергнута. Под влиянием слу-

хов о приближении чехов в Каслинском заводе началось стихийное антибольшевистское выступление, принявшее форму *волнений*. Как вспоминал позже лидер каслинских большевиков Тарасов, «дальнейшее пребывание в Каслинском заводе становилось невозможным. Наскоро собрав бойцов, мы погрузились в автомобили, забрав с собою документы, печати, деньги Каслинского Исполкома. На улицах около штаба грудились толпы, собравшиеся с целью не выпустить нас с завода. Собрались и каслинские попы, с хоругвями, иконами, крестами, словом, в полном вооружении. Они рассчитывали помешать нам открыть по толпе огонь, чтобы пробить себе выход из завода. Но к такой мере прибегнуть не пришлось. Машины, тронувшиеся полным ходом, и стрельба в воздух из пулеметов, заставили толпу расступиться и дать нам выход» (23). Большевистская власть в Каслях пала. В заводе был сформирован отряд самообороны, возглавленный местными эсерами (24). Таким образом, начавшись как стихийные волнения заводских жителей, выступление каслинских рабочих довольно быстро приобрело форму полноценного *вооруженного восстания*.

В телеграмме в Москву от 13 июня 1918 г. за № 123 военрук советских войск на Екатеринбургско-Челябинском фронте Муравьев докладывает, что «Совета в Каслях нет, вчера арестовано 12 наших, организуется отряд в 200 коней против Советов... 4 красноармейца расстреляно» (25).

Сознавая всю опасность, которую создавало восстание рабочих Каслинского завода для удара в тыл красным отрядам, прикрывающим Екатеринбург-Челябинское направление, большевистское командование приняло решительные меры к его подавлению. В документах штаба Северо-Урало-Сибирского фронта имеется следующая запись от 16 июня 1918 г.: «5) поручено занять Каслинский завод, в котором по самым последним сведениям образовался Комитет общественной безопасности, расстреляно 2–3 красноармейца. Свести самые строгие счета с местными кулаками Каслинского завода» (26).

Директива красного командования была выполнена в этот же день. Согласно воспоминаниям С.К. Полякова, с фронта были сняты и отправлены в тыл на подавление Каслинского восстания 70 бойцов из отряда анархиста П.И. Жебенева и 150 бойцов из отряда большевика С.В. Мрачковского (27). После упорного боя, в ходе которого красные потеряли 19 человек убитыми, им удалось разбить отряд повстанцев и занять завод (28).

Как отмечается в оперативной сводке Уральского окружного военного комиссариата № 017 от 17 июня 1918 г., «белогвардейцы, оставив в наших руках 4 убитых, 1 раненого, отошли в направлении на Кыштым» (29). Победители, выполняя директиву командования Северо-Урало-Сибирского фронта, сразу же начали расправу над не успевшими эвакуироваться сторонниками повстанцев. По данным Полякова, всего на Каслинском заводе было арестовано и предано военно-полевому суду 72 чел. (30).

Судьба же успевших отступить из Каслинского завода повстанцев сложилась удачней.

26 июня 1918 г. военный комиссар Георгенбергер, командированный в Шадринский уезд с чрезвычайными полномочиями для подавления крестьянских восстаний, из села Катайское сообщал по прямому проводу в штаб Северо-Урало-Сибирского фронта: «в воскресенье направили 20 чел. разведчиков по направлению Касли через [реку] Течь у плотины и у Течи живут каслинские буржуа, у которых имеется отряд около 60 чел. белогвардейцев, вооруженных берданками, каждому дано по 5 патронов, а меж них находящимся трем солдатам дали трехлинейные винтовки и по 10 патронов» (31).

Большевики, под которыми на Урале летом 1918 г. в буквальном смысле слова горела земля, не успели снарядить карательную экспедицию для уничтожения лагеря каслинских повстанцев, и после занятия Каслинского завода белыми уцелевшие повстанцы смогли вернуться домой и продолжить борьбу с большевизмом. Лапидарный язык военного делопроизводства белых сообщает нам, что в начале августа 1918 г. в состав формируемого белыми на Урале 3-го Уральского армейского корпуса в качестве самостоятельной боевой единицы входила и Каслинская боевая дружина (32). Возглавлял дружину поручик Тараторин.

Какое значение имело Каслинское восстание на общий ход боевых действий на фронте? Восстания рабочих Каслинского, Невьянского, Верх-Нейвинского, Полевского, Северского, Нижне-Исетского и других заводов Среднего Урала во второй половине июня 1918 г. серьезно расшатали тылы Северо-Урало-Сибирского фронта красных. Однако чехи и белые не сумели в полной мере воспользоваться плодами этих восстаний: главные силы их челябинской группы войск были в это время отвлечены на другие операционные направления. Таким образом, командующий челябинской группой полковник С.Н. Войцеховский упустил реальный шанс захватить Екатеринбург уже в июне 1918 г. За медлительность подготовки и проведения наступательной операции по захвату Екатеринбурга его справедливо критиковали в эмиграции (33).

Впрочем, Войцеховский скорее всего и не знал о том, насколько благоприятная обстановка сложилась в середине июня 1918 г. для наступления на «столицу Красного Урала» – город Екатеринбург: большинство антибольшевистских восстаний уральских рабочих носили стихийный характер и никак не были скоординированы с военным командованием белых.

Думается, что главным заговорщиком против большевистской власти были вовсе не белые подпольщики, как уверяла советская историография, а авантюрная в своем радикализме внутренняя политика большевиков, пробудившая у значительной части рабочих самые глубинные их страхи – останки заводов, надвигающегося голода, новой большой войны. В результате во многих заводских поселках Урала примерно в одно и то же время независимо друг от друга произошел сильнейший выплеск социальной энергии протеста, который сумели направить в антибольшевистское русло политические противники большевиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны (1917–1920 гг.) – Л., 1925. – С. 127–128; *Подшивалов И.* Гражданская борьба на Урале 1917–1918 г. (Опыт военно-исторического исследования). – М., 1925. – С. 131; Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). В документах и материалах. С вводным очерком А. Тянеева. – Свердловск, 1929. – С. 17; Гражданская война 1918–1921: В 3 т. – М., 1930. – Т. 3: Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. – С. 74; *Аминев З.А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.). – Уфа, 1966. – С. 270–272; *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. – М., 1966. – С. 53–54; Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. – Свердловск, 1969. – С. 152–155; *Лучевников П.С.* Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919 гг. – Челябинск, 1958. – С. 44–45; *Машин М.Д., Семьянинов В.С.* Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции (1918–1919). – Иркутск, 1991. – С. 35–39.
- (2) См. напр.: *Плотников И.Ф.* Невьянское восстание // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 2000. – С. 362–363; *Костогрызов П.И.* Невьянское антибольшевистское восстание: июнь 1918 г. // Вторые Уральские военно-исторические чтения: Мат-лы регион. науч. конф. – Екатеринбург, 2000. – С. 143–144; *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России (1917–1918). – М., 2004. – С. 104–106; *Кручинин А.М.* Невьянский набат: Народное восстание на Среднем Урале в июне 1918 г. – Екатеринбург, 2010; *Вебер М.И.* Невьянское антибольшевистское восстание 1918 года // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2011. – № 1 (96). – Вып. 17. – С. 105–115.
- (3) Список населенных мест Пермской губернии: Екатеринбургский уезд. – Пермь, 1908. – С. 25.
- (4) Там же.
- (5) *Мамин-Сибиряк Д.Н.* По Зауралью // Южный Урал. – 1952. – № 8-9. – С. 35–36.
- (6) Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г.): Сб. док-тов. – М., 1957. – С. 391.
- (7) Сиполс. Каслинский завод: Интеллигенция и ее работа // Уральский рабочий. – 1918. – 9 июня. – № 111 (208). – С. 4.
- (8) Там же.
- (9) Там же.
- (10) Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) – РКП(б) с местными партийными организациями (март–июль 1918 г.): Сб. док-тов. – М., 1967. – С. 245.
- (11) См. например: Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 41. – Оп. 2. – Д. 481. – Л. 91.
- (12) *Сафаров Г.И.* Массы и вожди // Уральский рабочий. – 1918. – 21 июня. – № 119 (216). – С. 1.
- (13) Сиполс. Каслинский завод: Работа Советской власти // Уральский рабочий. – 1918. – 14 мая. – № 89 (186). – С. 4.
- (14) *Онуфриев И.* Гражданская война на Урале. Воспоминания бывшего комбрига. – Свердловск, 1925. – С. 26.
- (15) Там же.
- (16) Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. П-596. – Оп. 1. – Д. 330. – Л. 121–122.

- (17) Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы / под ред. М.С. Бернштама. – Париж, 1982. – С. 55.
- (18) *Рабочий Н.Ч.* Каслинский завод: Защита революции и гг. обыватели // Уральский рабочий. – 1918. – 13 июня. – № 113 (210). – С. 4.
- (19) Там же.
- (20) Там же.
- (21) *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М., 2010. – С. 149.
- (22) *Рабочий Н.Ч.* Каслинский завод: Защита революции и гг. обыватели // Уральский рабочий. – 1918. – 13 июня. – № 113 (210). – С. 4.
- (23) *Онуфриев И.* Гражданская война на Урале. Воспоминания бывшего комбрига. – Свердловск, 1925. – С. 27.
- (24) ОГАЧО. – Ф. П-596. – Оп. 1. – Д. 330. – Л. 122.
- (25) ЦДООСО. – Ф. 41. – Оп. 2. – Д. 359. – Л. 89–90.
- (26) Там же. – Л. 9.
- (27) ОГАЧО. – Ф. П-596. – Оп. 1. – Д. 330. – Л. 121–122.
- (28) Там же.
- (29) Гражданская война на Южном Урале (1918–1919): Сб. док-тов и мат-лов. – Челябинск, 1962. – С. 99.
- (30) ОГАЧО. – Ф. П-596. – Оп. 1. – Д. 330. – Л. 122.
- (31) ЦДООСО. – Ф. 41. – Оп. 2. – Д. 368. – Л. 124.
- (32) *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. – Новосибирск, 2010. – С. 226.
- (33) См. например: *Зайцов А.А.* 1918: Очерки по истории русской Гражданской войны. – М., 2006. – С. 259–260.

UNKNOWN UPRISING: KASLI WORKERS' ANTIBOLSHEVIK UPRISING IN JUNE, 1918

M.I. Weber

Department of Political and Sociocultural History
Institute of History and Archaeology
Ural Branch of Russian Academy of Sciences
Rosa Luxemburg Str., 56, Yekaterinburg, Russia, 620026

The article deals with the uprisings of workers of the Ural region against bolsheviks in June, 1918. The author reconstructs the events of the Kasli uprising on the basis of the archival documents, newspapers and memoirs.

Key words: Russian Civil war, Ural region, uprising, insurgency, Czechoslovak corps.